

Ihor Kozlyk

Przykarpacki Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stefanyka

О жизни, науке, судьбе

Работа над этим текстом была начата с ведома автора рецензируемой книги воспоминаний – доктора филологических наук, профессора Леонида Генриховича Фризмана, в диалоге с ним, с надеждой на то, что он сможет ознакомиться с опытом критического восприятия результатов своего труда, что-то подсказать или, наоборот, посмотреть на сделанное им под другим углом зрения. В любом случае, и он, и я хорошо понимали значимость для науки о литературе его мемуарных опытов, причём не только для истории литературоведения, но и в морально-этическом смысле, важном в деле воспитания новых поколений исследователей художественной литературы.

Однако 27 июня 2018 года Л. Фризман скончался в Харькове, и это неизбежно внесло определённые коррективы в мою работу. Несмотря на случившееся, я решил ничего по сути не менять в уже написанном на тот момент и дописать остальное так, будто бы ничего не случилось. Ведь творил свои мемуары Леонид Генрихович с радостью, будучи вдохновлённый жизнью и для жизни, для её продолжения, для созидания (обдумывая и уже работая над новым исследовательским проектом о Науме Коржавине), а не для поминания или завещания. Неизбежные же коррективы касаются обострённого восприятия некоторых моментов, изменивших после смерти Л. Фризмана смысловое наполнение, а также вполне понятного для данного конкретного случая отказа от полемики. Но главное изменение первичного замысла связано с тем, что теперь нужна была особая скрупулёзность анализа, его аккуратность, полная досказанность. Наконец, возникла необходимость не только в этой преамбуле, но и в посвящении –

Памяти Леонида Генриховича Фризмана

«Какая удивительно плодотворная, красивая ЖИЗНЬ!»

[Из письма Игоря Лосиевского Борису Егорову от 27 июня 2018 г.]

Во второй половине 2017 – первой половине 2018 гг. увидели свет сразу два издания новой книги известного харьковского литературоведа-русиста Леонида Фризмана *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки*: первое – в Украине, второе, исправленное и дополненное, – в России [см.: Фризман 2017a; 2017b].

Уже первое, украинское, издание, тираж которого мгновенно разошёлся, вызвало положительный отклик в московском «Новом Литературном Обзрении»:

Книга Л.Г. Фризмана, – читаем в рецензии Павла Глушакова, – посвящена истории литературоведческой науки. Именно благодаря такого рода свидетельствам в будущем будет формироваться представление о путях и судьбах развития филологии, поэтому книгу трудно переоценить. (...) Перед нами единый сюжет: разговор о жизни, науке и правде (...), единство книге придаёт ключевая тема – борьба за сохранение человеческого и научного достоинства», «мысль об ответственности и непрерывности научных поколений. (...) Литературоведение – это литературоведы – таков пафос книги *В кругах литературоведов* [Глушаков 2017, online].

Из сказанного видно, что книга проф. Л. Фризмана – автора, не нуждающегося в особом представлении в литературоведческой науке, – заслуживает того отношения, о котором относительно «настоящей научной работы» говорил Вадим Вацуру в письме к Л. Фризмону в связи с публикацией в 1975 г. в серии «Литературные памятники» *Дум* Кондратия Рылеева. В частности, В. Вацуру писал о том, что настоящая научная работа нуждается не в рекламе или в фельетоне, а в разговоре «по существу», «требует обсуждения», вскрывающего «новации лучше, чем анонс» [Фрирман 2017а, 72; Фрирман 2017б, 85]. С этим перекликается и позиция Георгия Фридлендера, которому «хотелось бы, чтобы один раз в жизни» о нём написал «человек действительно понимающий и преданный науке. (Писать – не значит льстить или **только** хвалить!)» (из письма Г. Фридлендера Л. Фризмону от 22 ноября 1971 г.: [Фрирман 2017а, 124; 2017б, 148]).

Такой подход предполагает сопоставление двух изданий рецензируемой книги в аспекте наращивания смыслового пространства и завершения начатого в первом издании для достижения необходимой содержательной полноты и степени доказательности. Именно это стремление было одной из ключевых, движущих авторских интенций.

Несовпадения между двумя изданиями видны уже в оформлении обложки. При сохранении названия и общего структурного принципа (расположенные в центре имя и фамилия автора окружены портретами людей из числа тех, о ком пойдёт речь в тексте) изменениям подверглись цветовой фон обложки, её базовые геометрические компоненты (геометрический образ) и состав портретной галереи.

Коричневый цвет (фон для названия) и коричневый с оттенком серого (для фотографий) определяют цветовую гамму обложки первого издания.

В соотношении с содержанием и стилем повествования в книге такое цветовое решение в оформлении обложки актуализирует семантику живого чувственного восприятия, порождает ощущение чего-то подлинного, добротного, добросовестного, обусловленного чёткостью, ясностью, открытостью занятой автором интеллектуально-этической позиции, в основе которой – профессионализм и согласие с самим собой. Иными словами, уже колористическая атмосфера обложки первого издания ориентирована на широкий спектр и амплитуду мыслительно-эмоциональных реакций, включающих, помимо всего прочего, горечь и переживание чего-то неприятного, негативного.

Такую смысловую актуализацию поддерживает и геометрический образ обложки. В его основе – прямоугольник. Именно в эту фигуру вложено указание имени и фамилии автора и название книги, именно по краям прямоугольной обложки размещена портретная галерея из фотографий прямоугольной формы 20-ти избранных из числа более 50-ти героев фризмановских мемуаров. Перечислю их, отмечая двумя косыми линиями расположение на пространственной вертикали (сверху вниз): Борис Мейлах (1909–1987), Евгений Маймин (1921–1997), Николай Скатов (род. 1931), Соломон Рейсер (1905–1989), Владимир Казарин (род. 1952) // Георгий Краснов (1921–2008), Александр Твардовский (1910–1971), Дмитрий Лихачёв (1906–1999) // Кирилл Пигарёв (1911–1984), Валентин Коровин (род. 1932), Владимир Лакшин (1933–1993) // Сергей Бураго (1945–2000), Михаил Гаспаров (1935–2005), Георгий Фридендер (1915–1995), Василий Кулешов (1919–2006) // Маргарита Габель (1893–1981), Александр Аникст (1910–1988), Дмитрий Благой (1893–1994), Марк Теплинский (1924–2012), Юрий Буртин (1932–2000). Здесь – и классики литературы, и литературные критики, и общественные деятели, и литературоведы (академики, доктора наук, профессора), шестнадцать из которых представляют культурные центры России (Москву, Ленинград / Санкт-Петербург, Псков, Коломну), а четыре – Украину (Киев, Харьков, Симферополь, Ивано-Франковск). 13-ть имён присутствует в названиях очерков: либо непосредственно (как Твардовский, Буртин, Лихачёв, Пигарёв, Фридендер, Аникст, Краснов и единственный, представляющий в этом списке Украину Теплинский), либо метонимически (как «„Поэт фактов”» – Рейсер, «Учёный, редактор, личность» – Благой, как «Н.Н.» – Скатов, как «Валик и Верочка» – Коровин, как «„Обманчивый коллега”» – Гаспаров). При этом внутри книги между с. 160 и 161 отдельным шестнадцатистраничным блоком на мелованной бумаге представлена 51-а чёрно-белая подписанная иллюстрация: 36 портретов, 10 групповых фото, а также репродукция обложки издания 1963 г. поэмы Твардовского *Тёркин на том свете* с автографом автора, воспроизведения

обложек программ бураговской конференции «Язык и культура» (2004 г.), последнего форума русистов Украины (2013 г.) и первых «Чтений молодых учёных памяти Л. Я. Лифшица» (1996 г.), а также фотография Л. Лифшица с воспроизведением на её обороте его дарственной надписи.

В целом вышедшее в киевском «Издательском доме Дмитрия Бураго» и потому ориентированное на украинское филологическое пространство, в частности, на украинских русистов, первое издание книги *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки* состоит из 28-ми текстов: вступительного слова *От автора*, базового корпуса из 26-ти отличающихся своим объёмом и архитектурными составляющими очерков и завершающего текста *Наука и нравы*, функционально являющегося тем, что можно было бы назвать *Вместо заключения*.

Открывающее первое издание традиционное вступление *От автора* – это содержательный и эмоционально окрашенный текст объёмом в полную тридцатистрочную страницу. Здесь в стиле свободной, плавно (без спешки и связанных с нею редуций) текущей дружеской беседы с читателем рассказывается об истории создания книги, её замысле, причинах обращения автора к мемуарному жанру (вдохновлён «благодарностью судьбе за то, что такие люди были» в его жизни [Фризман 2017а, 3]), об авторских ориентирах в процессе написания воспоминаний (см. аналогичные тексты Бенедикта Сарнова и Бориса Егорова [см.: Сарнов 2004; 2006; Егоров 2004; 2013]), жанрово-композиционном облике книги (сборник самостоятельных очерков) и её героях. Правда, стоит отметить, что творческая история мемуаров Л. Фризмана не исчерпывается упомянутыми самим автором фактами его участия в юбилейных сборниках коллег. Здесь стоит учитывать более широкий контекст, что заметил в своей рецензии Сергей Кормилов, когда соотнёс по степени критичности фризмановские воспоминания *В кругах литературоведов* с «замечательными воспоминаниями осторожного В. Е. Хализева с похожим названием – *В кругу филологов*» [см.: Кормилов 2018, online; речь идёт об издании: Хализев 2011]. В этом отношении уместно вспомнить издание избранных статей Л. Фризмана, вышедшее в Харькове в 2005 г. и приуроченное к его 70-летию со дня рождения, где статьям *Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов* и *Ирония истории* предшествуют вступительные замечания автора, рассказывающие об условиях их написания и первых публикаций [см.: Фризман 2005б, 21–24, 50–53]. Думаю, что появление таких предысторий связано и с тем, что Л. Фризман знал изданную тремя годами ранее в Ивано-Франковске книгу М. Теплинского *Пятнадцать литературоведческих сюжетов с автобиографическими комментариями, двумя приложениями*

и эпилогом, в которой после каждой из 15-ти републикаций статей поданы воспоминания об истории их написания [см., напр.: Теплинский 2002, 7–9, 11–12, 20–22, 31–32, 46–47 и др.].

Эмоционально-психологическая атмосфера экспозитивной части первого издания книги воспоминаний *В кругах литературоведов* создаётся упоминанием имён тех, кто поддерживал прежние попытки мемуарного письма автора; цитатами из воспоминаний Б. Егорова («...Пытался писать правдиво... Умолчания были... Но лжи не было» [Фризман 2017а, 3]) и изложением мысли Д. Лихачёва (плохой человек не может быть хорошим учёным [см.: Фризман 2017а, 3]); цитатой из стихотворения Василия Андреевича Жуковского 1827 г. *Воспоминание* («Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностью: были») [см.: Фризман 2017а, 3]; обращением к индивидуально-оценочным выражениям типа «самому дорогому моему другу» (о харьковском докторе филологических наук И. Лосиевском [см.: Фризман 2017а, 3]) или «двух близких и любимых мною людей» (о Б. Сарнове и Б. Егорове); использованием фольклорного фразеологизма с разговорными (включая снижение стиля) ассоциациями «поскрести по сусекам». Все эти составляющие стилистической организации вступления *От автора* с самого начала настраивают читателя на определённый строй (лад, регистр, ноту) мировосприятия в предлагаемой его вниманию книге.

Героями или ведущими (знаковыми) персонажами воспоминаний, кроме тех, чьи изображения представлены на обложке первого издания, выступают: Михаил Алексеев (1896–1981), Леонид Баткин (1932–2016), Павел Берков (1896–1969), Яков Билинкис (1926–2001), Георгий (Георге) Богач (1915–1991), Вадим Вацуру (1935–2000), Николай Гайденков (1901–1968), Лидия Гинзбург (1902–1990), Михаил Гиршман (1937–2015), Андрей Гришунин (1921–2006), Борис Двинянинов (1911–1987), Борис Егоров (род. 1926), Вера Коровина, Елизавета Купрянова (1906–1988), Лазарь Лазарев (1924–2010), Лев Лифшиц (1920–1965), Юрий Лотман (1922–1993), Белла Маргулис (в 1970-е гг. ведущая отдела хроники в «Вопросах литературы»), Семён Машинский (1914–1978), Зара Минц (1927–1990), Владимир Орлов (1908–1985), Николай Степанов (1902–1972), Мария Твардовская (1908–1991), Александр Финкель (1899–1968), Гейр Хетсо (1937–2008, норвежский литературовед), Марк Черняков (1912–1983), Алексей Чичерин (1899/1900–1989), Ефим Эткинд (1918–1999), Юрий Янковский (1934–1982).

Второе – уже зарубежное – издание воспоминаний Л. Фризмана, появившееся спустя полгода в российском издательстве «Нестор-История», имеет свои отличия, не исчерпывающиеся увеличением количества страниц

от 320-ти до 380-ти и тиража от 300-от до 500-от экземпляров. Отличия второго издания касаются также структуры книги, круга ведущих персонажей, композиционного строя, а также общего оформления.

Иначе выглядит и обложка второго издания. Её цветовую гамму теперь образуют: зелёный общий фон, в который инкрустированы чёрно-белые с серебристо-серым оттенком фотографии избранных героев повествования, и цвет лаврового листа, на котором крупным белым шрифтом напечатаны имя, фамилия автора и вторая часть (подзаголовок) титула, а между ними бежевым с оттенком жёлтого дана первая часть названия (собственно название) книги. Преобладающий на обложке фоновый зелёный цвет, по Курту Гольдштейну, настраивает на размышления, на прояснение смысла и окончательное завершение некоей задачи. По Рудольфу Штейнеру же, «зелёный – образ отражения живого в мёртвом» [цит. по: Яньшин, online], что актуально, если иметь в виду, что речь пойдёт о воспоминаниях, т.е. об уже свершившемся и перешедшем в прошлое. А если учитывать ещё характер воплощённой в мемуарах авторской позиции и ритмико-темпоральные характеристики изложения, то можно говорить и о возможной актуализации в фоновом зелёном цвете обложки второго издания семантики постоянства, самоутверждения, самосознания и самооценки.

Иным по сравнению с украинским изданием является и геометрический образ обложки. Теперь в его основе в пределах прежнего общего прямоугольного формата книги находится круг: внутри круга указаны автор и титул, круглой формы и представленные на обложке фотографии. Круг в функции базовой фигуры, представленный во множественном числе, связывает геометрический образ обложки с её текстовой частью, визуально и ассоциативно „рифмуясь” с первым же словом в названии книги – *В кругах...*, являющимся существительным в форме множественного числа. Последнее обстоятельство, кстати сказать, снова заставляет вспомнить титул воспоминаний Валентина Хализева *В кругу филологов*, где это же существительное употреблено в форме единственного числа. За этой разницей в фризмановских мемуарах кроется то полицентрическое жизненное пространство литературоведческой науки, которое может продуктивно проявиться в индивидуальной судьбе конкретного исследователя.

Заметно изменился и контингент тех, кто фотографически представлен на обложке второго издания воспоминаний Л. Фризмана. Из 20-ти изображений в первом издании теперь на обложке присутствуют 18-ть. Из них 11-ть остались прежними: это портреты Н. Скатова, Д. Лихачёва, С. Бураго, А. Твардовского, К. Пигарёва, В. Лакшина, Ю. Буртина, Г. Фридлиндера,

Д. Благого, М. Гаспарова, А. Аникста. Изъяты из пространства обложки фотографии Б. Мейлаха, Е. Маймина, С. Рейсера, В. Казарина, В. Кулешова, М. Теплинского, М. Габель, В. Коровина. Вместо них на обложке появились изображения В. Вацура, М. Твардовской, М. Алексеева, Муминат Тахо-Годи, Фаины Кануновой, Н. Степанова, С. Машинского. Это отразило существенное расширение присутствия в портретной галерее обложки второго издания представителей России, что объясняется местом (страной) печатания книги и, соответственно, ориентацией на иную – теперь российскую – читательскую аудиторию. Филологическое же пространство Украины, в частности украинскую русистику, которой посвящено много страниц воспоминаний и к которой принадлежит сам мемуарист, представлено на обложке теперь лишь одной фигурой – доктора филологических наук, профессора Киевского университета имени Тараса Шевченко С. Бураго. Присутствие же в правом верхнем углу обложки портрета акад. М. Алексеева, которого автор статьи о нём в первом томе *Украинской литературной энциклопедии* проф. Исая Заславский небезосновательно называет «русский и украинский советский литературовед» [*Українська літературна енциклопедія* 1988, 43], не меняет описанной общей картины, поскольку имя этого учёного всегда ассоциировалось прежде всего с Пушкинским домом, Ленинградом и исследованиями русско-зарубежных литературных связей и контекста. Оставив на обложке второго издания портрет С. Бураго, автор, по-видимому, стремился отдать должное памяти человека, масштабность личности которого выходила за пределы собственно исследовательских практик. Для Л. Фризмана оказалось принципиально важным, что именно С. Бураго основал: в 1991 г. международную научную конференцию «Мова і культура» («Язык и культура»), которая по сей день ежегодно проводится в Киеве и в которой принимают участие многочисленные представители Украины, стран постсоветского пространства, Европы и США; в 1993 г. международный научно-художественный журнал «Collegium». К этому нужно добавить и то, что во втором издании мемуаров, в отличие от первого, С. Бураго вместе со своим учителем Ю. Янковским стали героями отдельного очерка, названного их именами – *Янковский и Бураго*.

Дополнения и переработка затронули и иллюстративную часть мемуарной книги Л. Фризмана. Во втором издании изменилось количество, выбор и принцип расположения иллюстраций (теперь они рассеяны по всему пространству текста). Иллюстративная часть российского издания (кроме оставшегося тем же цветного портрета автора, предшествующего титульной странице) насчитывает 69-ть единиц в чёрно-белом цвете. Здесь, во-первых, повторно, но уже в несколько изменённом размере, представлены портреты

тех, кто присутствует на обложке. Во-вторых, введён новый иллюстративный материал (фотографии автора: с родителями – отцом Генрихом Фризмано, историком-медиевистом, и матерью Дорой Гершман, музыкантом, пианисткой и дирижёром-хормейстером; с друзьями – физиками-теоретиками, профессорами Владимиром Кошкиным (1936–2011) и Фридрихом Бассом (1930–2013); фото Бориса Чичибабина, Олжаса Сулейменова, Михаила Хейфеца (род. в 1934, историка, приговорённого в 1974 г. к 6 годам лагерей и ссылок за написание предисловия к самиздатовскому, так называемому «марамзинскому», собранию сочинений Иосифа Бродского; с 1980 живёт в Израиле), Виктора Мануйлова, Аллы Жук, Бориса Удодова, Анатолия Кулагина, Андрея Крылова, Б. Сарнова, С. Кормилова, Александра Янушкевича, Ольги Лебедевой, Л. Лазарева, Марка Зельдовича, Ольги Кафановой, Марка Альтшуллера, Елены Дрыжаковой, Юрия Дружникова, Бориса Милявского). При этом и в первом, и во втором изданиях отсутствуют портреты Б. Двинянинова и Ю. Янковского, что особенно заметно на фоне расширения в последнем портретной галереи.

Вместе с изображениями людей иллюстративный материал включает также репродукции обложек изданий: поэмы *Тёркин на том свете* (Москва: Сов. писатель, 1964) с рисунком Ореста Верейского, книги *А. Твардовский. Письма о литературе. 1930–1970* (Москва: Сов. писатель, 1985) с автографом жены писателя, книги Л. Фризмана и Яны Романцовой *Требовательная любовь. А.Т. Твардовский – литературный критик* (Харьков: Новое слово, 2006) (все – в тексте очерка *Твардовский, Буртин и другие*); фотографии сцен из спектаклей по комедии Александра Грибоедова *Горе от ума* ленинградского БДТ в постановке Георгия Товстоногова (1963) с Сергеем Юрским в роли Чацкого и Виталием Полицеймако в роли Фамусова и МХАТа в постановке Олега Ефремова (начало 90-х гг. XX в.) с Вячеславом Невинным в роли Фамусова, Сергеем Колесниковым в роли Скалозуба и Андреем Мягковым в роли Репетилова (очерк *Две встречи с Грибоедовым*). Одновременно в иллюстративном оформлении второго издания отсутствуют те фотоматериалы, которые касались очерка *Конференции*, изъятого автором из второго издания мемуаров.

Если говорить о составе и композиции российского издания *В кругах литературоведов*, то здесь тоже произошли существенные изменения. Открывается оно цитатой из дневниковой записи Льва Толстого от 12 января 1909 г., которая, как и положено эпитафии, настраивает читателя на определённый эмоциональный строй, рождает в нём наррационное ожидание, необходимое для полноценного восприятия предлагаемого ему далее текста. Л. Толстой писал: «Напрашивается то, чтобы писать без всякой формы: не как статьи,

рассуждения и не как художественное, а высказывать, выливать, как можешь, то, что чувствуешь» [Толстой 1952, 10].

Сказанное Л. Толстым перекликается с двукратным цитированием в фризмановской книге строки из предпоследней строфы стихотворения Пушкина *19 октября* (1825): «Мы близимся к началу своему...» [Пушкин 1977, 247]. Именно этим пушкинским стихом начинается посвящённый В. Вацуру очерк *Кандидат, превзошедший академиком*: «Сегодня, когда, по пушкинскому слову, „мы близимся к началу своему“, не могу не признать, что не был обижен вниманием и расположением коллег и вообще людей, составлявших моё окружение» [Фризман 2017а, 65; 2017б, 79]. И им же заканчивается посвящённый Д. Благому очерк *Учёный, редактор, личность*: «Сейчас, когда, по пушкинскому слову, „мы близимся к началу своему“, не могу не отдавать себе отчёт в том, как я обязан людям, которые меня окружали, поддерживали, вдохновляли, помогали словом и делом» [Фризман 2017а, 103; 2017б, 113]. Без соотнесения с эпитафией из дневника Л. Толстого, который отсутствует в первом издании воспоминаний Л. Фризмана, указанное двукратное цитирование пушкинской строки в первом случае акцентирует доминирующую в жизни автора тенденцию, а во втором – осознание им значения той помощи, которую ему оказывали такие разные, учитывая специфику личностей Вацура и Благого, люди, чувства признательности и благодарности им. Но в контексте появившегося во втором издании эпитафия из дневниковой записи Л. Толстого, причём сделанной классиком в самом конце своей жизни, указанное цитирование Пушкина выражает нечто иное и ставшее более важным, а, может быть, и самым важным для мемуариста – его установку на максимальную полноту, честность и ясность высказывания, его стремление на завершающем этапе жизненного пути искренне и исчерпывающе (чтобы не оставалось повода и места для неопределённости, домыслов и кривотолков) представить опыт своего бытия в профессии.

Такую авторскую установку по-своему отражает следующее далее *От автора*, существенно отличающееся от аналогичного экспозитивного компонента в первом издании воспоминаний. Теперь это более чем на половину сокращённый текст, больше напоминающий развёрнутую аннотацию, а это резко уменьшает в его внутреннем пространстве собственно читательскую (диалогическую) часть, чем порождает ощущение, что автор торопится как можно быстрее перейти к сути дела, к собственно воспоминаниям.

Начинается основная часть второго издания отсутствующим в первом издании текстом под названием *Вместо введения*. Однако этот текст по жанрово-стилевому характеру не отличается от всех других составляющих

компонентов базового корпуса книги. В этом отношении слово «вместо» в его названии получает особую (не формальную) нагрузку. *Вместо введения* – это мемуарный очерк, посвящённый началу жизненного пути автора, истокам, впечатлениям детства и юности. Здесь повествуется о родителях и об атмосфере в семье, не в последнюю очередь связанную с культом Анны Ахматовой, Николая Гумилёва и Павла Антокольского, о жизни в эвакуации и возвращении в освобождённый от гитлеровцев Харьков, о советском послевоенном государственном антисемитизме (убийстве Михоэlsa, «расстреле в подвалах Лубянки членов Еврейского антифашистского комитета и аресте „врачей-вредителей”»), о ближайшем круге общения, который с молодых лет «на протяжении нескольких десятилетий (...) составляли не литературоведы, а математики и теоретики (...) с достаточно известными именами» [Фризман 2017б, 9]. Именно от них Л. Фризман перенимал присущие представителям точных наук навыки мышления (я бы добавил – дисциплины мышления), в частности, «установку на системность любого анализа», стремление к точности и конкретности мысли, внимание к количественной стороне изучаемого явления («тяга связывать своеобразие поэта с количественным показателем его словаря» [Фризман 2017б, 10]). Это, в свою очередь, привело к глубокому пониманию Л. Фризманом того, что литературоведение, как и гуманитарная наука в целом, существует и должно развиваться в режиме тесного и постоянного междисциплинарного взаимодействия и обмена. Именно на этой основе у литературоведа Л. Фризмана и у физика-теоретика В. Кошкина родилась идея создания новой науки – «литературометрии, существом которой было бы применение к изучению литературы статистических методов» [Фризман 2017б, 10] (ещё раз попутно появившись в очерке *Г.В. Краснов: мелочи из записок моей памяти*, этот сюжет пространно развернулся в посвящённом акад. М. Гаспарову очерке *„Обманчивый коллега”* [см.: Фризман 2017б, 335–340; 2017а, 265–272]).

Кроме очерка *Вместо введения*, Л. Фризман включил в основной состав второго издания ещё 9-ть новых текстов: *Притуплённое жало Овода*, *Две встречи с Грибоедовым*, *„Аз и Я” и я*, *В кругу лермонтоведов*, *В мире бардов*, *Дорогие мои томичи*, *Янковский и Бурого*, *Дружба с Дружниковым* и *О писательской критике и Иване Франко*. Из них очерк *Янковский и Бурого* заменил присутствовавший в первом издании текст под названием *Конференции*, оставив из него для российского читателя в расширенном и доработанном виде то, что связано с личностями Ю. Янковского и С. Бурого, перешедшими теперь из категории персонажей повествования в разряд его героев.

Особо следует отметить последний очерк *О писательской критике и Иване Франко*. Дело в том, что в отличие от других текстов книги, здесь не только рассказывается о движении автора к изучению писательской критики «как особого эстетического феномена» вообще и на материале литературно-критического наследия украинского классика в частности, но содержится анонс уже сделанной новой (и оказавшейся последней из завершённых и итоговой, как завещание Л. Фризмана) большой работы – монографического исследования о Франко-критике, которую ещё предстоит по достоинству оценить профессиональным критикам, причём не только украинистам. Название этого фундаментального труда не указано, о том, когда и где он будет напечатан, тоже ничего не сообщается. Однако то, что очерк об И. Франко в большой степени текстуально совпадает со вступительной статьёй *Беседа автора с читателем* в вышедшей в Киеве в 2017 г. (т.е. ещё до второго издания мемуаров *В кругах литературоведов*) русскоязычной шестистотстраничной монографии *Иван Франко: взгляд на литературу*, свидетельствует о стремлении Л. Фризмана возбудить именно в российской (и больше – в русскоязычной) читательской аудитории интерес к этой своей работе и к украинскому писателю, который, принадлежа Украине, является «достоянием мировой культуры». Отсюда не только к украинской, но и к многоликкой и неоднородной российской аудитории относятся слова, которыми Л. Фризман заканчивает вступление к анонсированной во втором издании воспоминаний своей последней книге: «Пусть книги о нём „Франко”, выходящие на всех языках мира, будут подтверждением этого факта» вхождения творческого наследия украинского писателя в сокровищницу мировой культуры [см.: Фризман 2017ц, 23]. Эти слова в устах Л. Фризмана – не расхожая книжная риторика, а глубокое личное убеждение, которое он стремится передать своему читателю, где бы тот не находился.

Из текстов первого издания, в той или иной форме присутствующих и во втором издании, заметной переработке подверглись два. В очерк *Твардовский, Буртин и другие* была сделана большая (в 11,5 с.) вставка о поэмах А. Твардовского *Тёркин на том свете* и *По праву памяти* (в аспекте темы Сталина в творчестве поэта). В свою очередь, очерк *Марк Черняков: портрет без ретуши*, увеличив почти вдвое свой объём, превратился в текст под названием *Служили два товарища*, где наряду с прежним героем, кандидатом филологических наук, доцентом М. Черяковым выведен ещё один герой – его товарищ и коллега по кафедре истории русской литературы Харьковского университета, доктор филологических наук, профессор М. Зельдович (1919–2008).

В целом жанровую специфику мемуарной книги Л. Фризмана определяют тексты эссеистического плана нескольких видов. Это:

- 1) обычные воспоминания без привлечения иножанровых компонентов (*Вместо введения, Молодой Баткин, Мой Н.Н., Валик и Верочка*);
- 2) воспоминания с публикацией писем (*Память о Лихачёве, Пигарёв и Двиняинов, Кандидат, превзошедший академиком, Влюблённость, «Об уме Юры Фридлендера», Первая защита, В кругу лермонтоведов, Обаяние Аникста, «Поэт фактов», Г.В. Краснов: из запасов моей памяти, Вторая защита, Дорогие мои томичи, Слово о Марке Теплинском, Полвека в «Воплях»*);
- 3) воспоминания с публикацией переписки, включающие творческий портрет конкретного учёного (*Учёный, редактор, личность, Янковский и Бурого, О Мише Гиришмане – учёном, человеке, друге, Служили два товарища, Многоликий профессор*), или характеристику сделанного им в науке (*В кругу пушкинистов, Норвежский исследователь русской литературы, Дружба с Дружниковым*), или очерк его творческого пути (*Рыцарь литературной науки*);
- 4) воспоминания с публикацией переписки, включающие научную статью («Твардовский, Буртин и другие», «Обманчивый коллега») или рецензию на книгу (*«Аз и Я» и я, Б.Ф. глазами Л.Г.*);
- 5) научная статья с элементами воспоминаний (*Притуплённое жало Овода – об искажениях перевода на русский язык известного романа Этель Лилиан Войнич, В мире бардов, О писательской критике и Иване Франко*);
- 6) рецензия на театральные постановки (*Две встречи с Грибоедовым*);
- 7) публицистическая статья (*Наука и нравы*; именно такую жанровую идентификацию вполне обоснованно дал этому тексту С. Кормилов в своей рецензии на первое издание рассматриваемых мемуаров [см.: Кормилов 2018, online]).

Новые и переработанные тексты внесли неизбежные изменения в круг лиц, о которых идёт речь в мемуарах. Кроме выше упомянутого М. Зельдовича, в фризмановские воспоминания выведены 16-ть российских филологов и один казахский поэт и литературовед О. Сулейменов (род. 1936). К указанной многочисленной группе новых персонажей относятся: М. Альтшуллер (род. 1929), Е. Дрыжакова (род. 1931), Ю. Дружников (1933–2008), А. Жук (1931–1992), Ф. Канунова (1922–2009), О. Кафанова (род. 1949), С. Кормилов (род. 1951), А. Кулагин (род. 1958), О. Лебедева (род. 1953), Юрий Левин (1920–2006), В. Мануйлов (1903–1987), Б. Милявский (1920–2013), Б. Сарнов (1927–2014), М. Тахо-Годи (род. 1931), Б. Удодов (1924–2009) и А. Янушкевич (1944–2016). Но это не изменило исходную идейно-концептуальную направленность

повествования, а только обогатило его новыми сюжетами, которые позволили более рельефно представить его базовую проблематику.

Несмотря на авторское определение жанра своей работы как сборника произвольно расположенных самостоятельных очерков, книга *В кругах литературоведов* как вариант циклической конструкции обладает целостностью, которую порождает ряд циклообразующих (сквозных) факторов. Главным из них, обеспечивающим единство внутреннего мира фризмановских мемуаров, является, на мой взгляд, образ автора и последовательно утверждаемая им система ценностей. В этом отношении к книге Л. Фризмана полностью приложимы те слова, которые он высказал в адрес моей книги *Профессия сквозь призму человечности*, вышедшей в 2016 г. в Ивано-Франковске [см о ней: Ботнарченко 2017; Михайлова 2018], во многом перекликающейся с его собственными мемуарными опытами. 16 октября 2016 г. Леонид Генрихович прислал мне электронное письмо, в котором писал:

Дорогой Игорь! Когда в 2005 г. я выпустил книгу о С.А. Рейсере, Марк «Теплинский» мне написал: «Такая книга – это поступок». Именно это я хотел бы сказать о твоей книге. (...) Хотя вся она о других, на самом деле главный её герой – это ты, и те, кто тебя не знают, узнают по ней. (...) Очень хорошо, что при всей душевной щедрости, с которой ты пишешь о дорогих тебе людях, ты не всеяден...

Повторюсь: каждое из этих слов полностью можно отнести к воспоминаниям Л. Фризмана и с оглядкой на них воспринимать его уверения в том, что мемуары дают ему возможность «выразить свою признательность людям, с которыми» его «сводила судьба, многократно помогавшим» ему «словом и делом», и что книга *В кругах литературоведов* – собственно не о нём, «а о них» (*От автора* [Фризман 2017б, 5]). Нет, не только о них, но – главное – о нём, авторе воспоминаний, потому что именно *его* глазами и в *его* интонациях мы видим и слышим жизнь литературоведческой русистики в России и Украине второй половины XX – первых десятилетий XXI в., в которой история индивидуального профессионального становления, как и история науки о литературе, представлены в тесных взаимосвязях и сложных переплетениях человеческих судеб, подверженных влиянию межличностных отношений и общих социально-исторических и нравственно-психологических условий, в которых жили и работали люди и функционировала наука преимущественно в советское, а также и в постсоветское время.

Внутреннюю целостность книге Л. Фризмана обеспечивает и совокупность сквозных идей, на которых формируется её концептуальный облик, актуализирующий не утратившие поныне своей ценности лучшие традиции

академической науки о литературе. Литературоведение предстаёт у Л. Фризмана как наука, занимающаяся литературой именно и прежде всего как искусством (и «это – самое важное», как писал автору В. Орлов в связи с фризмановской книгой о Евгении Баратынском [см.: Фризман 1966] (см. очерк *Вторая защита* [Фризман 2017а, 187; 2017б, 222]), опирающаяся на достоверные факты и проверенные сведения, «точность деталей и цитат» (см. очерки *Кандидат, превзошедший академиков* [Фризман 2017а, 74; 2017б, 87] и *Первая защита* [Фризман 2017а, 137; 2017б, 159]) и на преемственность ценностей, культивируемых в профессиональном общении в академической научной среде.

Критерием в оценке людей, о которых идёт речь в воспоминаниях Л. Фризмана, выступает отношение к профессии литературоведа, при котором научное изучение художественной литературы и историко-литературного процесса или собственно литературное или литературно-критическое творчество – это не внешняя сторона существования человека, а то, чем он живёт, что неотъемлемо от него, чему он служит и что определяет требования, выдвигаемые к результатам собственной профессиональной деятельности. Такой бытийный регистр существования человека в нравственно-психологическом плане предполагает порядочность как деятельную позицию личности (здесь позиция Л. Фризмана вполне созвучна взглядам Ю. Лотмана) и определённое отношение к собственному профессиональному росту. Олицетворением первого для автора выступает Л. Баткин, для которого «порядочность человека должна подтверждаться его действиями, его готовностью противостоять любым проявлениям несправедливости» (очерк *Молодой Баткин* [Фризман 2014а, 35; 2017б, 54]). Второе наглядно иллюстрирует отрывок из письма Ю. Буртина Л. Фризмону от 16 июня 1978 г. в связи с присвоением последнему докторской степени:

Я за Вас очень рад и представляю себе дело так: Вы прошли и закончили очень важную, но трудную, а поначалу и тягостную полосу своей биографии. Она обеспечила Вам нормальные условия (по нашим «советским» стандартам) существования и работы, однако при всей своей результативности («Баратынский», «Элегия» и др.) это всё же предварительная, подготовительная полоса. Теперь, когда Вы ещё молоды и обладаете всеми необходимыми предпосылками, надо вступать в новую и главную полосу жизни, то есть работы, ибо для мужчины эти вещи в общем совпадают. Ибо тут главное – (...) не побояться открыть чистую страницу, замахнуться на что-то очень большое, даже непосильное. (...) Другое дело – где оно, это Дело, в чём оно состоит? Нахождение его – штука сугубо индивидуальная, акт открытия (...). Да и нельзя его просто «найти», надо до него «дожить» (хотя, с другой стороны, дожить можно лишь с внутренней

установкой на это) (очерк *Твардовский, Буртин и другие* [Фризман 2017а, 23–24; 2017б, 39–40]).

(Утверждённая докторская степень как начало настоящей творческой работы!)

Именно такой критерий в оценке людей позволил объединить в качестве героев (ведущих персонажей) книги *В кругах литературоведов* таких разных, иногда до несовместимости, людей как:

- академики М. Алексеев и Д. Лихачёв (первый ненавидел второго и переносил «эту ненависть на всех, кого считал и называл лихачёвцами») (см. очерк *Рыцарь литературной науки* [Фризман 2017а, 209; 2017б, 240]);
- Д. Лихачёв, который, говоря цитируемыми Л. Фризманом в первом издании и пересказанными им же во втором словами Б. Егорова, «мог душевно говорить об учителях, но к ровесникам и младшим относился достаточно сдержанно, даже часто прохладно...» (см. окончание очерка *Память о Лихачёве* [Фризман 2017а, 53–54; 2017б, 70]), и К. Пигарёв, который с одинаковой «добротой и расположенностью» встречал в с е х (очерк *Пигарёв и Двинянинов* [Фризман 2017а, 56; 2017б, 72]);
- К. Пигарёв и В. Вацуро, в котором «удивительно сочетались открытость, доброжелательность, готовность прийти на помощь каждому, кто в ней нуждается, с чётким пониманием того, кто есть кто...» (очерк *Кандидат, превосходивший академиков* [Фризман 2017а, 69; 2017б, 83]; разрядка моя. – И.К.);
- В. Вацуро, который не то что «не гонялся за учёными и академическими степенями и званиями», а просто «их избегал намеренно и неуклонно» [см.: Фризман 2017а, 77; Фризман 2017б, 89], и Д. Благой, в котором жила «острая, неизбывная, пожизненная боль – что он не стал академиком», с чем он так и не смог «примириться, думал об этом неотступно» (см. очерк *Учёный, редактор, личность* [Фризман 2017а, 102, 103; 2017б, 112]);
- Л. Баткин, «бескомпромиссный борец за идеалы гуманизма и демократии», который «в „доблести гражданской“, в бестрепетности определения своей жизненной позиции, в неспособности на любые сделки с совестью (...) не превзойдён никем» (очерк *Молодой Баткин* [Фризман 2017а, 33; 2017б, 52]), и Г. Фридлиндер, который, подвергнувшись «в начале 80-х годов (...) своего рода обструкции со стороны организаций типа „Память“» и пережив попытку поджога своей квартиры на 2-й линии Васильевского острова, «решил: если враждебную армию нельзя разгромить, её следует возглавить», вследствие чего многие из его дружеского окружения «от него отпали» (очерк ... *Об уме Юры Фридлиндера* [Фризман 2017а, 126; 2017б, 150]);

- Г. Фридлиндер, исполнявший в своё время обязанности главного редактора академического издания Достоевского, и норвежский русист Г. Хетсо, между которыми так и не сложились отношения (первый «категорически отверг» все результаты, полученные вторым, по атрибутированию Достоевскому ряда статей, чьё авторство не было установлено; в свою очередь, второй постоянно подчеркивал Л. Фризмону, что «сам Фридлиндер ему не симпатичен по причине своего высокомерия», – см. очерк *Норвежский исследователь русской литературы* [Фризман 2017а, 108–109; 2017б, 134]);
- Л. Баткин и Е. Эткинд (последний считал советский строй фашистским – см. очерк *Влюблённость* [Фризман 2017а, 115; 2017б, 140]), с одной стороны, а с другой – обаятельный и остроумный Я. Билинкис, который видел «пороки и уродства современной советской действительности, зло высмеивавший тугодумие и бестолковость брежневского руководства», но при этом «впадал в какой-то прямо-таки религиозный трепет, когда речь заходила о первоисточнике всех современных бед – Октябрьской революции и деятельности Ленина» (очерк *Б.Ф. глазами Л.Г.* [Фризман 2017а, 148; 2017б, 186]), и проникнутый советскими догмами М. В. Черняков, для которого «Ленин был бог, и Маяковский был бог, и не мог один бог недоброжелательно относиться к другому» (см. очерк *Марк Черняков: портрет без ретуши* в первом издании [Фризман 2017а, 236], *Служили два товарища* во втором [Фризман 2017б, 294]);
- с одной стороны, Е. Купреянова, которая, вызвавшись быть вторым оппонентом посвящённой Баратынскому кандидатской диссертации Фризмана, вдруг резко изменила позицию, заявив, что «она не только отказывается (...) быть оппонентом, но и не допустит защиты (...) диссертации в Пушкинском доме» (очерк *Первая защита* [Фризман 2017а, 128, 129; 2017б, 151]), и М. Зельдович, вознамерившийся сорвать защиту одной из фризмановских учениц истерическим поведением на заседании спецсовета (см. очерк *Служили два товарища* [Фризман 2017б, 299–300]), а с другой – то большое количество людей, всячески стремившихся помочь Л. Фризмону в трудные минуты его жизни и профессиональной деятельности;
- тот же М. Зельдович, «которого не интересовала литература и который не занимался её изучением», полностью сосредоточившись исключительно на теории, истории и методологии литературной критики [см.: Фризман 2017б, 296] и те, кто, будучи литературоведами, любили главный объект своей науки – художественную словесность.

При этом принципиально важной и стилистически образцовой (в смысле бюффонового «стиль – это человек») представляется занятая мемуаристом

позиция в описании сложных межличностных отношений в научной сфере, включая те, которые имеют к нему непосредственное отношение. Так, говоря о неприятии М. Алексеевым Д. Лихачёва и отрицательных последствиях этого для других людей, Л. Фризман пишет:

Каковы бы ни были претензии Михаила Павловича к Дмитрию Сергеевичу, даже если они были обоснованными, даже если Дмитрий Сергеевич в чём-то виноват, вымещать это на третьем, ни в чём не повинном человеке считаю недостойным. Прав я или нет, говорю, как чувствую. И Лихачёв, и Алексеев, какие бы ни были отношения между ними, в моих глазах – вершины, возвышающиеся над всеми, с кем сводила меня судьба. Сейчас таких нет» (очерк *В кругу пушкинистов* [Фризман 2017а, 95; 2017б, 105]).

А вот о враждебно отнёсшейся к автору Е. Куприяновой: «Я всегда сохранял и сохраняю поныне уважительное отношение к ней как к эрудированному литературоведу, много сделавшему в науке, и ее позиции не раз получали мою полную поддержку» (очерк *Первая защита* [Фризман 2017а, 133; 2017б, 156]). Или о М. Зельдовиче: «Всё это „плохое” помня и беря в расчёт, признаюсь с полной мерой откровенности: в моей памяти об этом человеке положительное перевешивает отрицательное. Не могу не уважать его как самоотверженного труженика, отдавшего все силы любимому делу» (очерк *Служили два товарища* [Фризман 2017б, 300]). Сюда нужно добавить – и цена то, «что, несмотря на озлобленное отношение ко мне, которое он не скрывал и высказывал многим, оценивая мои работы по критике, он проявлял способность возвыситься над своими предубеждениями» [Фризман 2017б, 298] (эту же способность Л. Фризман ценит в ученице Александра Ивановича Белецкого харьковчанке М. Габель, которая, будучи «непростым человеком, не чуждым капризности и упрямства», умела подняться над всем этим и преображалась, когда «речь шла о науке: не оставалось ни тени самоуверенности, она жадно ловила мысли собеседника, стремясь уточнить собственное представление» (очерк *Первая защита* [Фризман 2017а, 137, 138; 2017б, 159]).

Наконец, приведём суждения о прохладном отношении Д. Лихачёва к сверстникам и младшим: «Но я все годы нашего „с Лихачёвым” общения ощущал только душевность его отношения к себе и другого слова подобрать не могу» (очерк *Память о Лихачёве* [Фризман 2017б, 70; 2017а, 54]). Подобным образом комментирует Фризман высокомерие Фридлиндера, которого он, «со своей стороны, никогда в этом человеке не замечал», – очерк *Норвежский исследователь русской литературы* [Фризман 2017а, 108–109; 2017б, 134]).

Во всём этом – проявление единства авторской позиции в мемуарах *В кругах литературоведов*, базирующейся на принципах объективности и человеческой порядочности, чувстве уважения к личности человека и благодарности людям за содеянное добро, на стремлении к справедливости. Причём выражается эта позиция в диалогическом регистре, с учётом свободы читателя, с признанием его права на свою точку зрения, без стремления перетянуть его на свою сторону. И здесь уместно процитировать письмо одного из героев фризмановских воспоминаний Б. Егорова от 27 июня 2018 г., адресованное близкому другу Леонида Генриховича И. Лосиевскому и мне и написанное в ответ на известие о кончине многолетнего своего собеседника, именуемого здесь «Л.Г.»:

Дорогие коллеги, – пишет Б. Егоров. – Встрясла тяжёлая весть. Много лет общения, чуть ли не полвека. И странная, ни на что не похожая уникальность: чуть ли не единственный из близких моих коллег, которого очень сильно сопровождали негативные ореолы. В молодости жуткое очернение его (как человека) М.Г. Зельдовичем, с которым я тоже был много лет близок (...). Резкая критика Ю.М. Лотманом Л.Г. как литературоведа и публикатора, потом ещё разные отзывы москвичей... На этом фоне я потом очень тесно стал общаться с Л.Г., усматривая в качестве минусов лишь психологические мелочи, но никак не чёрные мазки.

Выводы: мир учёных творцов очень сложен, иногда неприятие коллег переходит разумные границы; а оценку личности стоит давать прежде всего, оценивая результаты его творчества. Тут Л.Г. вне подозрений и упрёков.

Конечно, как и любой текстовой опыт, рецензируемые издания содержат и те элементы, которые требуют критического рассмотрения (начиная с отмеченных уже С. Кормиловым явных опечаток, текстуальных повторов (правда, последние не всегда являются свидетельствами неоправданной тавтологии, но могут выполнять сюжетно-композиционную функцию), фактических ошибок и до отдельных суждений или оценок) [см. об этом подробнее: Кормилов 2018, online]. Но не они, как справедливо отмечает автор рецензии на первое издание фризмановских мемуаров, «определяют лицо этой очень ценной книги» [Кормилов 2018, online].

Чтобы создавать такие книги, как *В кругах литературоведов*, нужно не просто длительное время пребывать в профессии, нужно – жить в ней, жить ею, чтобы профессия была судьбой. И тогда есть что сказать Другому, есть чем с ним поделиться. Именно это «что» и «чем» материально оформилось в опубликованный Л. Фризманом мемуарный текст, содержащий в себе *в ы с к а з ы в а н и е*, становящееся событием в жизни и автора, и читателя,

и конкретной науки, которую оба представляют. К воспоминаниям Л. Фризмана с пользой для себя не раз будут обращаться и те, кто уже состоялся в профессии исследователя художественной словесности, и те, кто только находится в начале своего профессионального становления. Книга харьковского русиста будет интересной и тем, кто занимается историей литературоведческой науки, и тем, кто изучает актуальную, созвучную авторской историко-литературную проблематику, и тем, кто стремится обрести прочные нравственно-психологические ориентиры собственного существования. А это последнее позволяет говорить не только о научном или историко-научном, но и о весомом воспитательном значении осуществлённого Л. Фризманом труда, явившегося органическим продолжением его собственно научного творчества.

Библиография

- Bondar' Konstantin. 2018. *Prošanie v iúne*. (online) <http://uapryal.com.ua/27-iyunya-2018-g-ushyol-iz-zhizni-leonid-genrihovich-frizman> (dostup 30.08.2018) [Бондарь Константин. 2018. *Прощание в июне*. (online) <http://uapryal.com.ua/27-iyunya-2018-g-ushyol-iz-zhizni-leonid-genrihovich-frizman> (доступ 30.08.2018)].
- Boris Dvinianinov. *Foto*. (online) http://xn--80anq1a.xn--p1ai/?page_id=5021 (dostup 30.08.2018) [Борис Двинянинов. *Фото*. (online) http://xn--80anq1a.xn--p1ai/?page_id=5021 (доступ 30.08.2018)].
- Botnarenko Nataliâ, Mihajlova Mariâ. 2017. «Voprosy Literatury» № 5: 390–391 [Ботнаренко Наталья, Михайлова Мария. 2017. «Вопросы Литературы» № 5: 390–391].
- Šičibabin Boris. 2013. *V stihah i proze*. Moskva: Nauka [Чичибабин Борис. 2013. *В стихах и прозе*. Москва: Наука].
- Egorov Boris Fedorovič. 2004. *Vospominaniâ*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriâ [Егоров Борис Фёдорович. 2004. *Воспоминания*. Санкт-Петербург: Нестор-История].
- Egorov Boris Fedorovič. 2013. *Vospominaniâ-2*. Sankt-Peterburg: Rostok [Егоров Борис Фёдорович. *Воспоминания-2*. Санкт-Петербург: Росток].
- Frizman Leonid. 2013. *Slovo o druge*. V: *Pamâti Marka Teplinskogo*. Sost. Zavgorodnââ T.K. Ivano-Frankovsk: NAIR: 72–76 [Фризман Леонид. 2013. *Слово о друге*. В: *Памяти Марка Теплинского*. Сост. Завгородняя Т.К. Ивано-Франковск: НАИР: 72–76].
- Frizman Leonid. 2015. *Takaâ sud'ba: Evrejskaâ tema v russkoj literature*. Har'kov: Folio [Фризман Леонид. 2015. *Такая судьба: Еврейская тема в русской литературе*. Харьков: Фолио].
- Frizman Leonid. 2017a. *V krugah literaturovedov: Memuarnye očerki*. Kiev: Izdatel'skij dom Dmitriâ Burago [Фризман Леонид. 2017а. *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого].
- Frizman Leonid. 2017b. *V krugah literaturovedov: Memuarnye očerki*. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriâ [Фризман Леонид. 2017б. *В кругах литературоведов: Мемуарные очерки*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История].
- Frizman Leonid. 2017c. *Ivan Franko: vzglâd na literaturu*. Kiev: Izdatel'skij dom Dmitriâ Burago [Фризман Леонид. 2017в. *Иван Франко: взгляд на литературу*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого].

- Frizman Leonid Genrihovič. 1966. *Tvorčeskij put' Baratynskogo*. Moskva: Nauka [Фризман Леонид Генрихович. 1966. *Творческий путь Баратынского*. Москва: Наука].
- Frizman Leonid Genrihovič. 1973. *Žyzn' liričeskogo žanra. Russkaâ èlegiâ ot Sumarokova do Nekrasova*. Otv. red. člen-korrespondent AN SSSR Blagoj D.D. [Фризман Леонид Генрихович. *Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова*. Отв. ред. член-корреспондент АН СССР Благой Д.Д. Москва: Наука].
- Frizman Leonid Genrihovič. 2005a. *Naučnoe tvorčestvo S.A. Rejsera*. Har'kov: Novoe slovo [Фризман Леонид Генрихович. 2005а. *Научное творчество С.А. Рейсера*. Харьков: Новое слово].
- Frizman Leonid Genrihovič. 2005b. *Predvaritel'nye itogi*. Har'kov: Novoe slovo [Фризман Леонид Генрихович. 2005б. *Предварительные итоги*. Харьков: Новое слово].
- Frizman Leonid Genrihovič. 2011. *O tvorčeskoj biografii I.V. Kozlika*. V: *Igor Volodymyrovuč Kozlyk: bibliografičnyj pokazčyk (Do 50-riččâ vid dnâ narodžennâ)*. Īvano-Frankivs'k: 22 [Фризман Леонид Генрихович. 2011. *О творческой биографии И.В. Козлика*. В: *Игор Володимирович Козлик: бібліографічний покажчик (До 50-річчя від дня народження)*. Івано-Франківськ: 22].
- Frizman Leonid Genrihovič, Gračëva Inna Vladimirovna. 2014. *Mногообразие i svoeobrazie Ūliâ Kima*. Kiev: Izdatel'skij dom Dmitriâ Burago [Фризман Леонид Генрихович, Грачëва Инна Владимировна. 2014. *Многообразие и своеобразие Юлия Кима*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого].
- Glušakov Pavel. 2017. «Novoe Literaturnoe Obozrenie» № 5. (online). <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/5/novye-knigi.html> (dostup 30.08.2018) [Глушаков Павел. 2017. «Новое Литературное Обозрение» № 5. (online) <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/5/novye-knigi.html> (доступ 30.08.2018)].
- Halizev Valentin Evgen'evič. 2011. *V krugu filologov: vospominaniâ i portrety*. Moskva: Progress-Plëâda [Хализев Валентин Евгеньевич. 2011. *В кругу филологов: воспоминания и портреты*. Москва: Прогресс-Плеяда].
- Iz domašnego tvorčestva Ū.Z. Ankovskogo*. Publikaciâ Kovsana M. (online) marie-olshansky.ru/ct/kentavr1.shtml (dostup 30.08.2018) [*Из домашнего творчества Ю.З. Янковского*. Публикация Ковсана М. (online) marie-olshansky.ru/ct/kentavr1.shtml (доступ 30.08.2018)].
- Kormilov Sergej. 2018. *Umnye – oni že horošie*. «Znamâ» № 12. (online) <http://znamlit.ru/publication.php?id=7128> (dostup 8.01.2019) [Кормилов Сергей. 2018. *Умные – они же хорошие*. «Знамя». № 12. (online) <http://znamlit.ru/publication.php?id=7128> (доступ 8.01.2019)].
- Kozlyk Ihor. 2010. *Ākos' – i na vse žyttâ*. V: *Nauka i žyzn' (K 75-letiiu so dnâ roždeniâ i 50-letiiu naučnoj Deâtel'nosti L.G. Frizmana)*. Har'kov: 27–32 [Козлик Игор. 2010. *Якось – и на все життя*. В: *Наука и жизнь. (К 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Л.Г. Фризмана)*. Харьков: 27–32].
- Kozlyk Ihor Volodymyrovuč. 2007. *Teoretyčne vuvčennâ filosofov'koï liryky i aktual'ni problemy sučasnoho literaturoznavstva*. Nauk. red. doktor filologičnyh nauk, člen-korespondent NAN Ukraïny Sivokin' N.M. Īvano-Frankivs'k: Poliskan; Hostynec' [Козлик Игор Володимирович. 2007. *Теоретичне вивчення філософської лірики і актуальні проблеми сучасного літературознавства*. Наук. ред. доктор філологічних наук, член-кореспондент НАН Украïни Сивокінь Г.М. Івано-Франківськ: Поліскан; Гостинець].
- Lotman Ūrij Mihajlovič. 2005. *Besedy russkoj kul'ture. Televizionnye lekciï. Cikl 3. Kul'tura i intelligentnost'*. V: Lotman Ūrij Mihajlovič. *Vospitanie dušy*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB: 470–514 [Лотман Юрій Михайлович. 2005. *Беседы о русской культуре. Телевизионные лекции. Цикл 3. Культура и интеллигентность*. В: Лотман Юрій Михайлович. *Воспитание души*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ: 470–514].
- Mann Ūrij Vladimirovič. 2011. «*Pamât'-sčast'e, kak i pamât'-bol'...*»: *Vospominaniâ, dokumenty, pis'ma*. Moskva: RGGU [Манн Юрій Владимирович. 2011. «*Память-счастье, как и память-боль...*»: *Воспоминания, документы, письма*. Москва: РГГУ].

- Mihajlova Mariâ, Botnarenko Nataliâ. 2018. *Čelovečnost' – mera vseh vešej*. «Stephanos» № 1(27): 280–284. (online) <http://stephanos.ru> (dostup 30.08.2018) [Михайлова Мария, Ботнаренко Наталия. 2018. *Человечность – мера всех вещей*. «Stephanos» № 1(27): 280–284. (online) <http://stephanos.ru> (доступ 30.08.2018)].
- Puškin Aleksandr Sergeevič. 1977. *19 oktâbrâ («Ronâet les bagrânyj svoj ubor...»)*. V: Puškin Aleksandr Sergeevič. *Polnoe sobranie sočinenij: v 10 t.* T. 2: *Stihotvoreniâ, 1820–1826*. Leningrad: Nauka: 244–247 [Пушкин Александр Сергеевич. 1977. *19 октября («Роняет лес багряный свой убор...»)*. В: Пушкин Александр Сергеевич. *Полное собрание сочинений: в 10 т.* T. 2: *Стихотворения, 1820–1826*. Ленинград: Наука: 244–247].
- Sarnov Benedikt. 2004. *Skuki ne bylo: pervaa kniga vospominanij, 1937–1953*. Moskva: Agraf [Сарнов Бенедикт. 2004. *Скуки не было: первая книга воспоминаний, 1937–1953*. Москва: Аграф].
- Sarnov Benedikt. 2006. *Skuki ne bylo: vtoraa kniga vospominanij*. Moskva: Agraf [Сарнов Бенедикт. 2006. *Скуки не было. Вторая книга воспоминаний*. Москва: Аграф].
- Teplinskij Mark Veniaminovič. 2002. *Pâtnadcat' literaturovedčeskikh sūžetov s avtobiografičeskimi kommentariâmi, dvutâ priloženiâmi i êpilogom*. Red. Kozlik I.; hud. Abramovič S. Ivanov-Frankovsk: Izdanie Tat'âny Zavgorodnej [Теплинский Марк Вениаминович. 2002. *Пятнадцать литературоведческих сюжетов с автобиографическими комментариями, двумя приложениями и эпилогом*. Ред. Козлик И.; худ. Абрамович С. Ивано-Франковск: Издание Татьяны Завгородней].
- Tolstoj Lev Nikolaevič. 1952. *Polnoe sobranie sočinenij: v 90 t.* T. 57: *Dnevnik i zapisnye knižki. 1909 g.* Moskva: GИNL [Толстой Лев Николаевич. 1952. *Полное собрание сочинений: в 90 т.* T. 57: *Дневники и записные книжки. 1909 г.* Москва: ГИХЛ].
- Ukraïns'ka Literaturna Enciklopediâ: v 5 t.* 1988. Redkol.: Dzeverin Ĭ.O. (vidpovid. red.) ta in. T. 1: *A–G*. Kyïv: Golov. red. URE im. M.P. Bažana [Українська літературна енциклопедія: в 5 т. 1988. Редкол.: Дзеверін І.О. (відповід. ред.) та ін. Т. 1: *A–Г*. Київ: Голов. ред. URE ім. М.П. Бажана].
- Yanshin Petr Vsevolodovich. *Semanticheskie priznaki tsvetov*. (online) <http://www.elitarium.ru/semantika-cvetov-spektr-ehffekt-associaciya-chelovek-harakter-vozdjeystvie-sostoyanie-vpечatlenie-chuvstvitelnost-aktivnost-goethe-kandinskij-predstavlenie-nastroenie-chuvstvo-radost-ehmocija/> (dostup 30.08.2018) [Яншин Петр Всеволодович. *Семантические признаки цветов*. (online) <http://www.elitarium.ru/semantika-cvetov-spektr-ehffekt-associaciya-chelovek-harakter-vozdjeystvie-sostoyanie-vpечatlenie-chuvstvitelnost-aktivnost-goethe-kandinskij-predstavlenie-nastroenie-chuvstvo-radost-ehmocija/> (доступ 30.08.2018)].

Summary

About life, science and destiny

The review deals with the comparative analysis of the second edition of the book by Kharkiv literary critic, Doctor of Philology, Professor Leonid Genrikhovich Frizman (1935–2018) “In the circles of literary critics: Memoirs essays”, published in Kyiv and Moscow in 2017. The history of the book is described in the context of the author’s creative practices and similar experiences of Russian and Ukrainian literary critics; its substantive focus, the concept embodied in it, the personal composition, style, architectonics, illustrative component and artistic design are characterized in the review. The focus is on the study of the semantic role of the corrections and additions, made by the author in the second edition. The analysis takes into account the existing critical experience of perception of the first edition of memoirs in Russia to avoid unnecessary repetition.

Key words: memoirs, literary criticism, Russian studies, history of literary criticism, L.G. Frizman